

Туринская Плащаница

Мой первый миссионерский проект родился в 1985 году. Сентябрьский номер журнала «Наука и религия» за предыдущий, 1984 год вышел с поразительной статьей о Туринской плащанице. То была информационная бомба для советского читателя. В статье честно описывались все научные трудности и тупики, связанные с исследованием Плащаницы. И приводились мнения ученых, которые делались выводы не просто о ее древности и подлинности, но и о Воскресении Христа.

Удивительным было и то, что обложку именно этого номера украшал корабль с алыми парусами. На парусе было написано название издания – «Наука и религия». Но корабль стоял на траве. Учитывая статью о Плащанице, это прочитывалось однозначно: корабль атеизма сел на мель.

В сентябрьском номере за 85 год пошла полемика, и большинство писем и статей были, конечно, «против спекуляций церковников».

Я же осенью 85-го сделал дайджест этих публикаций, добавил сведений из других источников (у меня был толстый итальянский том "Sindone"), и напечатал и расксерил свой текст под псевдонимом «А. М-В».

Что-то раздал в МГУ. Что-то – семинаристам. Интересно, что спустя два года один из семинаристов принес мне этот мой текст (уже многократно перепечатанный) и дал по секрету почитать, горячо убеждая меня, что его автором является профессор МДА Алексей Ильич Осипов. Это понятно: как в средние века все красивые проповеди атрибутировались Иоанну Златоусту, так в те 70-80-е годы 20 века вся апологетика приписывались единственному официальному апологету православия - Алексею Ильичу.

Первый опыт, первый блин.

Самые серьезные ставки делаются на этот хранящийся в Туринском соборе отрезок льняного полотнища длиной в 4,3 и шириной в 1,1 метра. Этому старому, изношенному, грязному и изъеденному пятнами полотну дана власть вторгаться в самые сокровенные уголки человеческого разума, ставя нас перед лицом серьезнейших реальностей, требуя от нас не менее серьезного выбора и взывая к самому ответственному решению, которое только может принять человек.

На этом куске полотна пятна слагаются в два рисунка, которые воспринимаются как два отпечатка одной человеческой фигуры спереди и сзади. Как возник этот отпечаток - это вопрос, волнующий ученых уже около ста лет. Но эта проблема отходит на второй план перед вопросом о том - КТО же этот человек и какова его судьба. Точнее говоря, самая важная дилемма плащаницы формулируется еще более однозначно: действительно ли тело Иисуса Христа отпечталось на ней и является ли, соответственно, Плащаница погребальным саваном Того, Кого Церковь называет Спасителем - или нет.

Ответ на этот вопрос ставит перед совестью каждого человека ряд других вопрошаний (о них позже) и, в свою очередь, обусловлен ответами на такие вопросы:

- Время происхождения ткани и рисунка на ней.
- Является ли отпечаток творением рук художника, или следствием естественных изменений, которые при определенных условиях произошли в ткани; или же результатом сверхестественного воздействия.
- Что говорит сама плащаница о человеке, тело которого отпечаталось на ней.

Итак, сначала время появления плащаницы. Исследования, проведенные на основании западных исторических источников, первое упоминание о ней относят к 1353 году, когда она

появилась во Франции, в местечке Лирей, недалеко от Парижа, во владениях графа Жоффруа де Шарни. Однако расширение круга источников, прежде всего за счет привлечения восточноцерковных (православных) свидетельств, позволяет проследить путь плащаницы гораздо далее в глубь веков.

Так, о ней пишет историограф IV крестового похода (1203-1204 г.) Робер де Клари. Перечисляя виденные им в Константинополе святыни православного мира, он говорит: "Была там еще монастырь, который назывался именем св. Девы Марии Влахернской; в этом монастыре был саван, которым был обернут наш Господь; этот саван приоткрывался каждую пятницу, так что можно было хорошо видеть лик нашего Господа" (Робер де Клари. Взятие Константинополя. М., Наука 1986, стр.66).

[1. О пребывании плащаницы в Константинополе (современном Стамбуле) говорит и анализ пылицы с ткани: "анализ пылицы показал, что она относится к 49 видам растений, из которых 16 встречаются в Северной Европе, 13 - только в Палестине, и 20 - в районе Стамбула и в северной части Сирии"(Наука и религия, 1984, № 9,стр.20). Доказанное таким образом пребывание плащаницы не только в Константинополе, но и в Сирии дает дополнительные основания доверять приводимому ниже свидетельству Ефрема Сирина.]

В XII веке византийский император Мануил Комнин показывает в числе других святынь плащаницу иерусалимскому королю Амори.

XI век. Император Алексей Комнин в письме к Роберту Фландрийскому упоминает, что "среди наидрагоценнейших реликвий Спасителя у него находятся похоронные пелены, найденные в гробу после Воскресения" (Rian, Comte. Euxuvial sacral Constantinopolitanae. vol.2, 208. Geneve, 1878).

Спускаемся еще на несколько столетий и в VIII веке св. Иоанн Дамаскин (о честности и образованности, которого можно составить представление хотя бы по поэме А. К. Толстого, посвященной ему) говорит, что "надо почитать Крест и Плащаницу Христовы".

В 711 веке (631 г.) св. Браунилон (Braunilion) епископ Сарагосский, видевший плащаницу во время паломничества на Восток, упоминает её в своем письме № 428 (Mign. PL. vol. LXXX, p. 689).

Свидетельством известности плащаницы в это же время могут служить упоминаемые в "Науке и религии" (там же, стр. 22) монеты и иконы 6-8 веков, на которых имеется "чрезвычайно близкое совпадение пропорций и деталей лица на плащанице" с их изображениями. "Действительно сильное впечатление", производимое таким совпадением, авторы статьи пытаются смягчить с помощью предположения о том, что сама плащаница могла быть скопирована с этих икон. Но вся эта гипотеза базируется на очень шатком основании - ибо тогда необходимо прежде всего доказать позднее и искусственное происхождение плащаницы, что как признают эксперты, является также не более чем гипотезой, слабо согласующейся с фактами.

В 436 г. св. Пульхерия, сестра императора Феодосия II, строит в Константинополе базилику Пресвятой Богородицы на Влахерне и помещает туда плащаницу, которую получила от императрицы Евдокии (спустя восемь веков именно в этом монастыре и увидит плащаницу де Клари).

В позднейшие времена плащаница, впрочем, несколько раз покидала Константинополь. Так, во время иконоборческой ереси она была вывезена в Иерусалим. Там же, на Ближнем Востоке или в Малой Азии она находилась, очевидно и с 1204 по 1353 год, откуда и вывез её удачливый граф де Шарни, бывший участником крестового похода 1346 года.

Во второй половине 4 века о плащанице с Ликом Христа пишет св. Ефрем Сириин (кстати, также оставивший след в русской классической поэзии: знаменитая пушкинская "Молитва" ("Отцы пустынноики и жены непорочны...") представляет собой переложение великопостной молитвы этого сирийского писателя.)

К 4 же веку, но к его первой половине относится и упоминание о плащанице у св. Нины Грузинской.

Еще из более ранних времен несет нам свидетельство о ней текст мозарабской литургии, сохранившейся в Испании, в городе Толедо до сих пор, но составленной еще в первохристианские времена, когда почитание Христа было принесено в Испанию апостолом Иаковом. В Страстную субботу там говорится о "свежих отпечатках на полотне Усопшего и Воскресшего".

Наконец, плащаница упоминается и в самих Евангелиях (Мф. 27,59; Мк. 15,46; Лк. 23,53). И далее более того, в Евангелии от Иоанна содержится очевидное свидетельство об отпечатках, оставшихся на полотне после Воскресения (Иоан.20,6-7).

О плащанице Евангелисты говорят немногословно, но эта немногословность не должна удивлять. К моменту написания Евангелий они уже видели и Самого Воскресшего Христа, говорили с Ним, получили уверения в истинности Его Воскресения. А потому говорить в такой ситуации об особенностях плащаницы было для евангелистов по крайней мере столь же неуместно, как нас не пристало, предстая Сикстинской Мадонне, восхищаться достоинствами её репродукций. То, что евангелисты не считали нужным специально останавливаться на плащанице, таким образом, не может считаться свидетельством того, что лик на погребальном саване Христа не был им известен.

Нужно сказать также в этой связи и о терминологии Евангелия от Иоанна. В то время, как все другие евангелисты прямо употребляют слово "плащаница", Иоанн ту часть погребального облачения Христа, на которой, видимо, он и обнаружил отпечаток, называет словом "плат". Это русское слово является переводом церковно-славянского слова "сударь". Как утверждает В.Даль (Толковый словарь живаго велико-русскаго языка. Спб.-М., 1882, т.4,стр.354), это лишь один из возможных переводов. Другие значения слова "сударь" - "пелена, ширинка" ("ширинка - полотнище, отрезок цельной ткани во всю ширину её" - стр.634).

Однако Иоанн не случайно предпочел слову - "плащаница" выражение "плат": виденная им ткань действительно была меньшего размера, так как была "особо свита" (Ин 20,7). Иоанн, таким образом, увидел плащаницу в свернутом виде, при котором был виден только лик Христа, а не все изображение. Именно такое изображение под названием "Спаса на убрусе" ("убрус - плат, полотнище"), и вошло в восточно-церковную иконографию.

Такова древность плащаницы, подтверждаемая источниками. О том, что аналогичные результаты были "получены в итоге всестороннего научного исследования плащаницы, можно узнать из статей, опубликованных в журналах "Наука и религия" (1984, №9) и "Наука и жизнь" (1984, № 12), а также в атеистическом ежегоднике "Мир человека-1985").

Приведем еще два аргумента, почерпнутых из сокровищницы Церковной памяти: Крестный ход в Страстную Пятницу совершается именно с плащаницей, а не с гробом (очевидно, этот чин получил распространение по образцу уже упоминавшейся Влахернской церкви. Поскольку распространение частного богослужебного обряда на всю Церковь является процессом сложным и длительным, то нужно предположить предварительное существование твердой и глубоко укоренившейся местной традиции. Все это может служить свидетельством того, что плащаница была известна православному миру задолго до того, как её увидел во Влахерне французский крестоносец.

Во-вторых, в Церкви известен почитаемый НЕРУКОТВОРНЫЙ образ Спасителя, на котором изображение лика Христа дается именно на материи. Это и есть упоминавшийся "Спас на убрусе". Кусок ткани, на котором по преданию лик Христа возник "нерукотворно", традиционно отождествлялся с "платом". Это отождествление настолько прочно, что у Николая Клюева, по сути дела современного нам поэта (1884-1937), который тяготел к эстетизированному старообрядчеству и хорошо знал древнюю церковную символику, лик Христа предстает именно на плате:

*И на плате Солнца млечного
Лик прощающий Христа.*

Впрочем, нужно сказать, что существует несколько версий чудесного возникновения Нерукотворного Спаса.

Итак, оказывается, не было тринадцати веков молчания об этой Плащанице (теперь мы будем писать это слово с большой буквы - хотя бы из уважения к древности обозначаемой им вещи).

Более того: Плащаница, хранящаяся с 14 века в католическом соборе, является, как мы видим, древней православной святыней.

Теперь о происхождении отпечатка. Искусственное нанесение изображения на Плащаницу отвергается исследователями. "Дегидратация ткани (как физическая основа изображения) - факт доказанный" ("Наука и религия", 1985, №9, стр.28).

Техника дегидратирования ткани неизвестна. Изображение настолько подробно и анатомически безупречно (анатомически корректны даже детали, невидимые невооруженным глазом), что гипотеза об искусственном нанесении изображения вызывает к сверхчеловеческому гению создателя Плащаницы.

Вот как рисует образ этого гипотетического гения "Наука и религия": "Он должен был обладать незаурядными историческими и литературными познаниями - знать Евангелия, ориентироваться в древнеримских законах и в древнееврейских религиозных обычаях, разбираться в материальных предметах - инструментах казни, пыток, оружия и т.д. Он должен был предвидеть, что его творение будут придирчиво исследовать на предмет установления его подлинности, и так искусно нанести кровавые полтеки, чтобы они позволили судебным-медицинским экспертам 20 века восстановить в деталях картину агонии и смерти распятого человека. В довершение всего он должен был быть профессиональным нумизматом, имевшим в своей коллекции редкие палестинские монеты периоды правления Тиберия (отпечатки этих монет, о которых до их обнаружения в связи с Плащаницей, и не знали современные нумизматы, найдены на ткани - прим.авт)" (Наука и религия, 1984, №9, стр.23).

Добавим, что этот художник должен был жить не позже 4 века, так как он изобразил тело именно распятого человека (о чем свидетельствуют прямизна конечностей, особый подгиб больших пальцев, расширенность грудной клетки, напряженность мышц бедра). Все эти подробности нельзя было получить из литературы или из иконографии - значит, создатель плащаницы должен был присутствовать при казни, своими глазами видеть распятие, отмененное в 4 веке при христианизации Римской империи.

Далее. Художник изобразил мертвого человека, а не живого. Это более чем странно, если учесть, что иконография Распятого первого тысячелетия Христа на кресте не изображала вообще, а в первые века второго тысячелетия изображала Его на Кресте живым, а не мертвым. Если плащаница была задумана как религиозная реликвия, своего рода икона, то налицо весьма значительное отступление от канона. Кроме того, художник должен был быть очень хорошо знаком с анатомией именно мертвого тела. Если учесть запрет церковью анатомирования трупов (задержавший развитие медицины в средние века), то эти познания христианского церковного художника также странны.

В общем, "подавляющее число патологоанатомов пришло к заключению, что изображение на плащанице с его безупречным анатомическим натурализмом может быть только отпечатком реального трупа, а не рисунка или отпечатка со статуи, как полагали сторонники той точки зрения, что это искусная подделка" (Наука и религия, 1984, № 9, стр. 19).

Наконец, придется признать, что художник, живший за много веков до изобретения фотографии, каким-то непостижимым образом умудрился построить свой рисунок на принципе негатива: свет и тени в нем поменялись местами.

По сути в искусственное происхождение Плащаницы можно только верить - в случае, если уж очень хочется человеку верить в Божие небытие.

Споры же о том, как могло возникнуть изображение естественным путем, тоже оказались бесплодными: "противоречия между версиями большинства экспертов и некоторыми фактами устранены не были" (Наука и религия. 1985, № 9, стр. 28).

Что же это за факты?

Прежде всего - каким образом на криволинейной и мятой поверхности савана, лежащего на человеке, могло получиться отражение этого тела без искажений. Или, что то же - почему оказалось возможным неискаженное прочтение рисунка в развернутой прямой плоскости, если в момент получения изображения поверхность, на которой оно запечатлевалось, была криволинейной? Ведь еще из школьного примера с глобусом и картой всем нам известно, что без искажений такого рода переводы невозможны.

Ткань лежала на теле (она пропитана кровью, лимфой, предсмертным потом) - и в то же время "изображение, так похожее на фотографию, может получиться только на натянутой, а не на свернутой ткани" (Наука и религия, 1985, №9,стр.30). Но при таком предположении о натянутости ткани обряд погребения, по меткому выражению А. Дубровского, "превращается в фантастическую картину, когда тело парит в воздухе, не касаясь ни верхней, ни нижней части плащаницы" (там же,стр.35).

Второй факт внешне незначителен, но также серьезен. Речь идет о капле крови в лобной части изображения. Дело в том, что хотя все остальное изображение - отпечаток, в нескольких местах, том числе и этом, кровь - настоящая. Это - не "снимок крови", а сама кровь, из раны перешедшая на ткань, прилипшую в этом месте к телу.

Именно в этом месте ткань непременно и постоянно должна была плотно прилегать к телу: Плащаница, судя по характеру отпечатка, была "подложена под тело, а верхний её конец через голову был перегнут и покрывал его сверху, благодаря чему тело отпечаталось на плащанице дважды - в нижней её части со спины, а в верхней - с лица. В месте перегиба соприкосновение, понятно, должно быть более тесным, чем в других местах. Кстати, именно потому, что тело облачалось в плащаницу через голову, евангелист Иоанн говорит о "плате" как о "бывшем на главе Его".

Проблема же заключается в том, что капля крови, перешедшая на Плащаницу, сохранила каплевидную, трехмерную, объемную форму. Это было бы более-менее естественно, если бы ткань Плащаницы промокнули свежую, не засохшую кровь и тут же отделили ткань от раны. Но Плащаница вошла в первое соприкосновение с телом спустя несколько часов после смерти человека, а эта капля крови успела подсохнуть еще во время распятия: её форма зигзагообразного потока показывает, что она зафиксировалась в тот момент, когда стекала по сморщенному от муки лбу человека.

Значит, Плащаница вступила в контакт с уже засохшей кровью. Их соприкосновение длилось несколько десятков часов, за которые в любом случае жидкие компоненты крови испарились бы или впитались в ткань, вследствие чего сама капля крови должна была, разохшись, распасться. Наконец, при отделении Плащаницы от тела трехмерная объемность капли в любом случае должна была нарушиться - любой знает, как это происходит при отдирании бинта от засохшей ранки.

Здесь же произошло нечто необычное - капелька крови в нарушение всех естественных законов осталась неповрежденной. Человек вышел из Плащаницы, не порвав запекшегося пятна крови.

Чтобы до конца разъяснить вопрос о крови на Плащанице, необходимо разъяснить следующее.

Во-первых, это действительно кровь, и отрицать её попадание на Плащаницу на том основании, что кровь должна была быть смыта во время обмывания тела, значит не считаться с фактами (это предположение выдвинуто в "Науке и религии", 1985, J33, стр. 34). Фактом же является то, что тело Человека с Плащаницы не обмывали: "это видно по упругости волос" (там же,стр.32). Евангелисты, кстати, тоже единодушно говорят, что тело до погребения омыто не было.

Во-вторых, следует указать на неприемлемость аргумента в пользу искусственного нанесения кровоподтеков на Плащаницу на том основании, что они-де не соответствуют положению головы распятого человека. Предположение о том, что у распятого человека "голова должна быть склонена набок" (там же, стр.34), может относиться лишь к обычной казни, когда на голове распинаемого нет тернового венца, который сковывает все его движения и придает понятную неестественность положению головы. Последнее в данном случае определяется наименьшей болезненностью, а не наименьшим напряжением.

К этим фактам добавим еще необъяснимую четкость изображения и еще более необъяснимую быстроту его образования (что не допускает приводимых версий о возможности возникновения отпечатка в результате действия радиоактивности в течение ... 700 - 800 лет - там же,стр.31).

По состоянию тела, отпечатавшегося на ткани, судебно-медицинские эксперты единодушно утверждают, что к тому моменту, когда соприкосновение тела с Плащаницей прекратилось, прошло не менее одних суток и не более трех с момента смерти этого человека (там же, стр.33). П. Виньор первым назвал наиболее вероятную цифру - от 30 до 35 часов... (Интересно, что церковный богослужебный календарь размещает чин погребения Христа в Страстную Пятницу и начало Пасхальных торжеств в 33 часах друг от друга).

Время же появления изображения становится еще более ограниченным, если учесть, что оно появилось не в течение всего того, времени, кода тело было в Плащанице, а гораздо меньшего, так как "там, где обнаружены пятна крови, не было деталей изображения. Иными словами, пятна крови как бы экранировали ткань, закрывали её от того загадочного воздействия, благодаря которому возникло изображение. Значит, появились они на плащанице раньше, чем изображение" (там же, стр.30).

Это обстоятельство является еще одним аргументом против искусственного происхождения отпечатка. При подделке легче уж расположение пятен подогнать к рисунку тела и ран, чем с уже нанесенными кровяными пятнами затем соотносить сложнейший и точнейший отпечаток. Такой порядок временного соотношения появления на Плащанице пятен крови и самого изображения нормален при не-искусственном появлении отпечатка, но противоестественен для подделки.

Соответственно, от гипотетического времени проявления изображения необходимо отнять весь тот срок, когда продолжались вторичные, посмертные, кровоизлияния, также оставившие свой след на Плащанице.

Если же учесть, что тело отпечталось не в том состоянии, в котором было положено в гробницу, а в том, в каком оно было изъято из неё, то логично предположить, что отпечаток вообще возник в самый последний момент.

Фотографическая же точность отпечатка, не повторенная пока даже приблизительно ни в одном из многочисленных экспериментов, выступает серьезным контраргументом против версий, предложенных Л. Пекарем (Наука и религия, 1985, №9,стр.32) и М.Ильиным (там же,стр.33). В последнем случае необъяснима четкость отпечатка волос, в которых порфирин не содержится. Кроме того, в литературе нет сведений об избыточности порфирина в крови Человека с Плащаницы.

В общем теории естественного происхождения не работают до такой степени, что исследователи атеистической ориентации вынуждены без конца метаться между Сциллой фантастичности теории ее подделки и Харибдой необъяснимости ряда фактов в теории естественного происхождения отпечатка. В статье С.Арутюнова и Н.Жуковской (Наука и религия, 1984,стр.18-23) впечатление растерянности и трагизма.

В результате ряд авторитетных ученых, исследовавших Плащаницу (И. Деляж, П. Виньон, И. Хеллер, А. Адлер, Р. Харелик, П. Барбе и др.) вынуждены были ввести в свои объяснительные схемы сверхестественные причины.

А теперь, прежде ответа на третий из поставленных вопросов - самое важное здесь место. Есть ли факты, могущие быть истолкованные в пользу искусственного или позднего происхождения Плащаницы? - Да, есть.

Почему же мы не принимаем их в расчет в наших рассуждениях? Для этого сделаем два небольших экскурса - сначала в область методологии научного исследования, а затем - в сферу этики.

Дело в том, что соотношение между теорией и фактом мало похоже на тот миф о науке, который бытует в обыденном сознании, и одним из основных догматов которого является уверенность в том, что факт - господин теории, а задача теории заключается в том, чтобы из анализа фактов выводить законы природы. В этой мифологии факт безусловно первичен, теория же безусловно вторична и порождена фактом.

Люди же, непосредственно знакомые с процессом развития научного знания, прежде всего сталкиваются с феноменом, который называется "теоретической нагруженностью наблюдения". Этот феномен имеет в виду, что сами факты и сами наблюдения появляются на свет только в результате теории как её прикладное применение, и не существуют в качестве элементов науки до своего теоретического осмысления. Вход в храм науки охраняет именно Теория - и она решает, какие факты войдут туда как несущие достойную обсуждения информацию, а какие будут толпиться на паперти в ожидании ученого-проводника, который смог бы облачить их эмпирическую наготу в тогу теоретической общезначимости и провести вовнутрь.

До какой степени факты зависимы от теории и как теория может их насиловать, пользуясь своей первичностью, можно показать на примере следующего методологического анекдота.

Предположим, я выдвигаю гипотезу о том, что тараканы слышат ногами. Для проверки этого предположения я, в соответствии с методикой, используемой в социологии, нейрофизиологии и медицине, ставлю следующий изящный эксперимент: я беру две группы тараканов - подопытную и контрольную. У подопытной я отрываю ножки, у контрольной - нет. Так вот, стоит мне во время эксперимента постучать по столу, как тараканы из контрольной группы разбегаются, а из подопытной - остаются как ни в чем ни бывало на месте. В рамках моей теории можно предположить, что они просто не слышат звука, и таким образом, мой эксперимент блестяще подтверждает мою не менее блестящую гипотезу.

Вот так исследователь видит в эксперименте только то, что позволяет ему увидеть его собственная теория. Так теория предопределяет отбор тех фактов, с которыми она потом будет "считаться" и "согласовываться». Так председатель какого-нибудь комитета может назначить своей волей членов комитета, а потом организовать в комитете "свободные" выборы председателя.

А если серьезно, то в атеистической литературе зачастую используется именно такая техника "доказательства". Для примера приведу следующий пассаж из книги авторитетного в некоторых кругах польского религиоведа-атеиста Зенона Косидовского (Косидовский.З. Сказания евангелистов. М., Политиздат, 1977, стр.42): "Методом дедукции установлено, что Евангелие от Матфея написано после 70 года, то есть после разрушения храма. Этот вывод опирается на анализ текста. В евангелии, например, четырежды встречается намек на разрушение Иерусалима. Поскольку мы не можем допустить мысли, что автор был ясновидящим, то нам остается лишь отнести дату создания евангелия к периоду после 70 года". Да... Дедукция, она, конечно, вещь сильная... Как говорится, "трудно идти против рожна" (Деян.9,5)... Но только тут уж мы "не можем допустить мысли", что Косидовский пришел к своим мировоззренческим выводам (?!), прежде добросовестно изучив историю возникновения христианства. Методом же "дедукции" можно установить, что Зенон Косидовский грациозным движением своей мысли просто иллюстрирует апорию "Летающая стрела", сформулированную его античным тезкой: как стрела в парадоксе античного Зенона и движется и не движется одновременно, так и у Зенона современного мысль ухитряется вести себя аналогично, то

есть она движется таким образом, что остаются на одном месте - ибо движется в вечном взаимообосновывающем коловращении теорий, которые создают нужные им факты и фактов, которые с понятной благодарностью подпирают породившие их теории... Ах, этот вечный языческий символ змеи, кусающей собственный хвост!

Зависимость фактов от теории - ситуация общенаучная, объективная, и присутствующая в любой теории. Без специальных методологических терминов её можно описать словами крупнейшего латиноамериканского писателя Х.Л.Борхеса: "Кое-кто, пожалуй, заметит, что вывод тут, несомненно, предшествует "доказательствам". Но кто же стал бы искать доказательств тому, во что сам не верит?"(Борхес Х.Л. Проза разных лет. М. 1984, стр. 117).

В такой ситуации решающее значение приобретает такт исследователя - способен ли он ослабить давление своей гипотезы на факт и дать тому высказаться самостоятельно или через рупор альтернативной теории?

Но, однако, мы отклонились от темы. А речь шла о том, что в факте уже заложена теория, вызвавшая его из вне-научного небытия. И потому теория никогда не считается с противоречащим ей фактом - она может считаться лишь с альтернативной теорией же, могущей объяснить этот факт. Теория фактом не опровергается: теория опровергается только теорией. История развития науки - это не история того, как факты подгоняют развитие теории, а история конкуренции теорий между собой. Так, Коперник не открыл новых фактов. Факты, противоречившие птолемеевской космологии, были известны и до него - их учитывали в практических вычислениях с помощью механизма эпициклов, но эпициклические поправки никто не воспринимал в качестве космологического закона, а лишь в качестве инструмента, который облегчает ученому вычисления. До тех пор, пока Коперник не предложил теорию, которая была бы в состоянии объяснить (принять) всю прежнюю сумму фактов, известную птолемеевской физике, и дать ключ к объяснению фактов, которые астрономия раньше просто "не замечала", - до тех пор противоречие между несколькими фактами и всей глыбой птолемеевской систематической теории не было принимаемым во внимание.

Никакой ученый в здравом уме не будет отказываться от теории, которая позволяет ему решать 200 проблем, но не работает в 2 случаях, ради гипотезы, которая объясняет эти случаи, но зато неприемлема для решения остальных 200 задач. Преимущество получит лишь та теория, которая сможет соединить и объяснить всех прежних фактов, и предложить свое понимание фактам новооткрытым.

Так обстоит дело и в проблеме Плащаницы. Большинство фактов свидетельствуют в пользу её естественного и древнего происхождения. Теория чуда приемлет эти факты и их естественное толкование, но для понимания ряда других фактов предлагает сверхестественное прочтение. Вся масса фактов, описываемых этой по сути двуединой теорией (и теория естественности, и теории чуда едины прежде всего в том, что исключают вмешательство человека в процесс образования изображения), не может быть объяснена с помощью гипотезы подделки. Таким образом, если даже этой теории удастся найти факты, которые поддерживали бы её, она не будет безоговорочно принята - пока не сумеет объяснить все остальные факты. И в любом случае нужно проверить: а может, эти факты можно истолковать и с другой точки зрения ("А вдруг Матфей все же был ясновидящим?").

Мы уже говорили, что методологические аргументы обоюдоостры.

Пока мы показали, как они работают против противников теории сверхестественного происхождения отпечатка. Для того, чтобы показать, что оборачивание этих аргументов в противоположную сторону бессмысленно, перейдем теперь в сферу этики. Именно в этой области станет ясным отличие религиозных теорий от всех остальных.

Христианство всегда считало, что вера в Божественное достоинство Христа и Его Воскресение - это добродетель, заслуга человека, показатель чистоты его сердца, а не отточенности его рассудка.

Человек свободно, в результате лично принятого решения должен прийти ко Христу. Это - основа христианства. А потому любые стопроцентные "доказательства" и "аргументы", когда бытие Бога и Божественность Христа выводятся "на кончике пера" или на хвосте длинной цепи силлогизмов, органически неприемлемы для Церкви. Любое доказательство носит обязывающий характер "всеобщего и необходимого суждения" (таково определение закона в формальной логике). Законом же, как не уставал повторять апостол Павел, человек не спасается. Человек спасается, то есть получает новую жизнь во Христе, лишь верою - той верою, которая даруется благодатью, которая принимается в свободном решении, и которая действует любовью к людям и Христу. Нельзя принудить человека любить. Нельзя доказать ему как "дважды два-четыре" необходимость жертвенной любви. И потому христиане именно верят - ибо вера есть свободное движение духа.

Нельзя верить в стены - они напомнят о себе синяками и шишками любому, кто захочет заявить о своей свободе по отношению к ним. И боль от этих шишек долго будет напоминать человеку, что его уверенность в существовании стен вокруг него - отнюдь не плод его личного выбора, а горькое признание железных прав реальности. Поскольку же Бог хочет от людей личного и любовного союза, он не насилует нас наподобие того, как насилуют нас своей реальностью стены. Можно пойти против воли Бога - и не наткнуться на Него, как на стену.

Человек может долго так шагать с радостью, что не встречает препятствий на своей пути. Но рано или поздно он обнаружит, что то, что он считал препятствием, было почвой под его ногами, а его свобода - это свобода падения в бездну. "Как Бог свободен, так свободен и ты. И если захочешь погибнуть, никто тебе не противится и не возбраняет... Если захочет человек, делается сыном Божиим или сыном погибели" (св. Макарий Египетский. Духовные беседы, 15,23).

Отсюда вытекает "не обязывающий" характер христианской апологетики (защиты христианского вероисповедания). Аргументы в религии призваны не доказать непреложность её истин, а подготовить душу человека к их принятию, разрушив предубеждения. Христианская апологетика призвана раскрыть такой образ христианства, чтобы душа человека воскликнула в самой сердечной своей глубине: "Так вот, чего я искала всю жизнь, вот без чего я тосковала как будто бы беспричинно! Вот оно, мое счастье!". "И где я был, когда искал Тебя? Ты был предо мною: я же далеко ушел от себя, я не находил себя: как же было найти Тебя! Поздно полюбил я Тебя, Красота такая древняя и такая юная, поздно полюбил я Тебя! Вот Ты был во мне, а я - был во внешнем и там искал Тебя. В этот благообразный мир, Тобой созданный, вламывался я, безобразный! Со мной был Ты, с Тобой я не был. Вдали от Тебя держал меня мир, Ты позвал, крикнул и прорвал глухоту мою; Ты сверкнул, засиял и прогнал слепоту мою; Ты разлил благоухание Твое, я вдохнул и задыхаюсь без Тебя. Ты коснулся меня, и я загорелся о мире Твоем" - так св. Августин описывает свою встречу с Богом. Его вера дала ему возможность увидеть Бога и слить свою жизнь с Ним. Вот такому обращению глаз души к истине и должны способствовать "аргументы". Но они - не более, чем дорожные указатели: Истина - там. Приди и виждь. Этой Истиной живут, и поэтому Её не доказывают.

Доказательство не может вызвать любовь - ничего же другого Церкви не нужно. А потому, если бы Плащаница с абсолютной непреложностью доказывала истинность христианского вероучения, Церковь не имела бы права принять это свидетельство, также, как не принял Христос свидетельства о Нем беса (Лк. 4,33-35), также, как апостол Павел в аналогичной ситуации запретил языческой прорицательнице (Деян. 16,15-18). Нельзя запереть свободу человека, его личный подвиг и решимость в железную клетку "непреложностей", и "самоочевидностей". Это касается не только теоретических рассуждений, но и фактов религиозной жизни. Так, именно из смирения перед свободой человека Христос не навязывал факт Своего воскресения тем, кто не принял Его при жизни - Он являлся только Своим ученикам.

Мудростью Промысла и в проблеме Плащаницы - и в теориях о её происхождении, и в фактах её бытия - оставлено пространство для личного выбора и самоориентации человека: чему он вонмет -

нашептываниям гордыни и привычной духовной окаменелости, или же прислушается к первым зарницам веры и смирения перед величием Голгофского подвига, совершенного ради него.

Великое "А ЕСЛИ?.." входит в человеческую душу.

В этом - главное духовное значение Плащаницы.

Итак, с точки зрения Православия, должно быть противоречащим фактам и гипотезам в этом вопросе... "Надобно придти соблазнам; но горе тому человеку, через которого соблазн приходит" (Мф.18,7).

Но что же за человек отпечатался на Плащанице? Прежде всего - может ли это быть (хотя бы теоретически) - Иисус? Жил ли вообще такой человек, о котором рассказывают Евангелия, на свете? В религиозно-литературе, даже атеистической, вопрос этот становится все менее спорным.

"Христианство возникло, по Ф.Энгельсу, в Палестине примерно во второй четверти I века нашей эры, при участии тех лиц, деятельность которых в мифологизированной форме отразилась в евангелиях, то есть Иисуса и его учеников"(А.П.Каждан. Ф.Энгельс о происхождении христианства. Вопросы философии. 1970, № 11). Другой советский исследователь - М. М. Кубланов - пришел к выводу, что историки I века не молчат об Иисусе, знают о нем, и знаменитого "молчания века" не существует (Кубланов М. М. Четыре "интерполяции" // Наука и жизнь. 1980, № 1).

Характерно в этой связи подведение итогов дискуссии о существовании Иисуса, сделанное И.С.Свенцицкой: "Некоторые советские исследователи продолжают отрицать историчность Иисуса... (говоря более ясно - в то время, как большинство, уже отказались от такого нигилистического подхода к Евангелиям... - прим.авт.) Вряд ли нужно отвергать традицию происхождения Иисуса из города Назарета". (Свенцицкая И.С. От общины к церкви. М., Политиздат. 1885, стр.74 и 51).

Итак, Иисус жил в Палестине I века, проповедовал, учил, и, по сообщениям нехристианских историков Иосифа Флавия и Тацита, был распят по приказу Понтия Пилата. Флавий же сообщает и о том, что, по свидетельству учеников, Иисус воскрес на третий день.

Значит, на Плащанице может быть изображение Христа.

Был ли этот Иисус действительно Мессией, Христом, помазанником Божиим - это уже особый вопрос. Увидеть в назаретском плотнике Сына Божия человек может лишь в подвиге веры, поддерживаемой благодатью Святого Духа. Это не менее сложно (и для рассудка - безумно), чем в отпечатке трупа с Плащаницы увидеть изображение Победителя смерти и принять свидетельство о смерти Человека с Плащаницы за свидетельство о воскресении Бога. Но внимательное, думающее и понимающее всматривание в евангельского Иисуса может помочь в движении к этому "прыжку веры" (С. Киркегор).

В самом деле - если Иисус во время своей жизни учил тому, что нам рассказывают о Нем и Его проповеди Евангелия, то встает вопрос - кто же Он такой? О себе Он Сам заявлял, что Он - "Путь, Истина, и Жизнь", называл Бога своим Отцом и говорил, что Он и Отец - едино. Он прямо говорил о себе не только как о Сыне Бога, но и как о Самом Боге - притом Едином и Единственном. Если Он не был тем, за кого себя выдавал - то кем Он был? Вопрос тем более важный, что Сам Иисус придавал ему первостепенное значение: "За кого люди почитают Меня?"(Мф. 16,13; Мк. 8,27; Лк.9,16).

Так кто же Иисус? Обманщик? - Но не до креста же! Сумасшедший? - Но, во-первых, крест способен отрезвить любого, а Он и на кресте называет Бога Отцом, и как Бог прощает грехи разбойнику.

Во-вторых, Он при жизни был трезв и реалистичен. Он не питает иллюзий, многократно предсказывает свою смерть, гонения и скорби Своим ученикам, говорит о неприемлемости Его учения для мира и, наконец, даже прямо пророчествует о грядущем торжестве неверия: "Сын Человеческий, придя, найдет ли веру на земле?"

В-третьих, его мысли составляют драгоценнейшее содержание сокровищницы человеческого духа, его учение единодушно признается вершиной нравственно-этической мысли, на размышлении о его словах и поступках вот уже много веков зиждется вся европейская культура. Впрочем, лучше всего выразить все это словами современного английского писателя К. С.Льюиса: "Никто не сумел дать удовлетворительного объяснения разительного противоречия между глубиной и здравым смыслом его нравственного учения и той неопикуемой манией величия, которая вызвала Его теологическое учение - если только Он действительно не был Богом. Я хочу отрезать путь всякому, кто будет выступать с несусветными глупостями вроде "я готов принять Иисуса как великого учителя жизни, но я не верю, что он был Бог". Как раз этих-то слов произносить не следует. Ведь любого, кто, будучи на деле всего лишь простым смертным, стал бы говорить всё, что говорил Иисус - такого человека считать великим учителем жизни уж никак нельзя! Он был либо умалишенным - не лучше больного, выдающего себя за яичницу-глазунью, - либо настоящим исчадием ада. От выбора никуда не деться: или этот человек был и есть Сын Божий, или он был сумасшедший, а то и хуже. Нельзя считать его лишь "великим учителем" - Он не оставил нам такого выбора. Да это и не входило в Его намерения".

Но может ли быть там изображение другого человека?

Отпечаток на Плащанице остался от человека, замученного совершенно так же, как по свидетельству Евангелия был замучен Христос. И слишком много было особенностей в истории Страстей Христа, чтобы какой-нибудь другой человек прошел таким же путем.

Иудей, убитый римской казнью; преступник, который вызвал столь страшную ненависть судей, что до распятия подвергся пытке бичеванием; человек, прошедший побои и издевательства и увенчанный терновой короной в знак насмешки над его царственным достоинством (косвенное свидетельство того, что Человек с Плащаницы был распят за свои притязания на царство). Наконец, когда этот человек был уже мертв, в порыве непонятного садизма его грудь пронзили копьем - вещь более чем странная при казни распятием. Похороны - и те прошли с нарушением и обычая и здравого смысла: дорогая ткань, новая плащаница, пропитанная благовониями (знак того, что этот человек не был оставлен друзьями) - и не омытое тело, с которого не смыли даже кровь. Наконец, по странному стечению обстоятельств тело пробыло в плащанице лишь недолгое время. Все это делает маловероятным опознание в человеке с Плащанице кого-то другого, а не Иисуса из Назарета.

Приведем высказывание итальянской газеты "Стампа": "Был ли человек, восставший против римлян и жестоко ими наказанный, именно тем лицом, о котором сказано в Евангелии? Ученые считают, что да, и одно из основных доказательств - терновый венец, исторический уникал в том смысле, что больше ни один возмутитель спокойствия того времени из числа, упомянутых хрониками, не удостоивался такого необычного для судебной практики римлян венца" ("Наука и религия", 1985, № 9, стр.35).

Приводилось мнение о том, что это мог быть "маленький Христос", лидер одной из раннехристианских общин (Наука и религия. 1984, №9, стр.23). По признанию самих авторов, эта версия не получила особой популярности в научной среде.

Атеистический журнал, отстаивая эту версию, строит её на очень странном аргументе: "В принципе в этом нет ничего невозможного: жития святых той эпохи изобилуют описаниями чудовищных самоистязаний". Как явствует из предшествовавшей фразы, эта сентенция относится к раннехристианской эпохе. Но, во-первых, никаких "житий святых" от этого времени до нас не дошло. Почти все, что мы знаем о ней, почерпнуто из текстов Нового Завета, "Мученических актов" да "Церковной истории" Евсевия Памфила. Во-вторых, в этих источниках и не упоминается о такого рода явлениях. Ранним христианам не приходилось подвергать себя самоистязаниям: для их пыток громадная государственная машина Империи приготавливала пытки, кресты, коллизи. Христианская же аскеза тех лет не превосходила своей строгостью аскетических упражнений языческих Философов. Так что "изобилие описаний" следует отнести за счет недостаточной осведомленности авторов.

Но поскольку вопросы истины большинством голосов не решаются - приведем контраргументы. Дело в том, что такая гипотеза предполагает нечто духовно-психологически невозможное. Самоубийство всегда запрещалось религией и Ветхого и Нового Заветов. Ритуальное самоубийство - тем более. Слова ветхозаветного пророка - "Милости хочу, а не жертвы" - во всеуслышание прогремели в проповеди Христа, составили самый её стержень, и до такой степени извратить смысл речей любимого Учителя было невозможно. Более того, уподобление себя в этой связи Христу выглядело бы крайним кощунством и, опять же, явило бы крайнее непонимание того, что произошло на Голгофе. Наконец, даже многие из ближайших учеников Христа - апостолы - когда их убивали за проповедь Воскресения, умоляли своих палачей распять их головой вниз, поскольку они недостойны умереть тем же способом, что и их Спаситель.

Христианство всегда отличалось духовной уравновешенностью и трезвостью. В предложенной же гипотезе налицо страшный надрыв. Такой слом мыслим только вне Церкви, среди оторвавшихся от неё сектантов. В самой же церкви в апостольские времена еще не разодранной расколами и ересями, предполагать такой надлом - просто неисторично. 1 век навсегда останется своего рода иконой вечной сущности Церкви, её строя и назначения. И не стоит судить о ранних христианах по аналогии с поздними сектантами.

Итак, признаем наиболее вероятное - на Плащанице Иисус. Попробуем теперь прочитать вместе свидетельства Плащаницы и свидетельства Евангелия. Может быть, симфонизм их звучания найдет отклик в сомневающих сердцах.

Человек с Плащаницы избит бичом. По следам ударов бича был определен тип этого орудия истязания: он имел 5 хвостов с металлическим шариком на хвосте. У человека на Плащанице более 200 ранений - это значит, что он избит не по еврейскому закону, запрещавшему более 40 ударов, а по римскому, запрещавшему лишь забивать до смерти. "Тогда Пилат (римский наместник) взял Иисуса и велел бить Его" (Иоан,19,1).

После бичевания, по свидетельству евангелистов (Иоан.19.3; Мк.15.19) Его били палкой по лицу. На Плащанице виден перелом носового хряща. На лице также видны следы побоев.

Вообще все эти издевательства не случайны. Они носили почти ритуальный характер в связи с тем, что 14 Нисана - день, в который Христос был истязаем - был весьма близок к мартовскому весеннему равноденствию, когда проходили соответствующие римские празднования, в ритуал которых входила игра под названием "Василевс"(Базиликус, Царь). Суть игры состояла в том, чтобы взять одного из воинов, облечь его в багряницу (пурпурную ткань, ношение которой издревле считалось правом только лиц царской крови) как знак царского достоинства, дать ему в руки палку ("трость") как скипетр, провести его по выгравированным на плитах пола обозначениям стадий игры, воздавая ему царские почести и исполняя в течение ночи все его желания, а затем отвести до места, которое обозначено буквой "В" (Василевс), измучить его там среди насмешек и глумлений и заколоть насмерть.

...Плиты с вырезанными на них значками для этой игры найдены при раскопках в римских казармах в Иерусалиме. Палку найти труда не составляло. Сплести царский венец можно было из терния, которым, как показали археологические изыскания, топили казармы легионеров зимой и весенними ночами. Багряница же была заготовлена заранее для наступающих празднеств. Что же говорит об этом Евангелие?

"Тогда воины правителя, взяв Иисуса в преторию, собрали на Него весь полк, и раздев Его, надели на Него багряницу, и, сплещи венец из терна, возложили Ему на голову и дали Ему в правую руку трость, и, становясь перед Ним на колени, насмехались над Ним, говоря: "Радуйся, Царь Иудейский!", и плевали на Него, и, взяв трость, били Его по голове " (Мф. 27,27-30).

Для таких издевательств воины решили взять Христа, чтобы заменить Им в своей страшной игре одного из своих соратников. И в самом деле - ну как было не подставить на место благородного римлянина бродягу - иудея; как не вовлечь в игру в "Царя" человека, заявляющего о том, что Он пришел на землю основать новое Царство!

Терновник, из которого был свит венец Спасителя (*Xiphis Vulgaris Lamarck*), до сих пор носит народное название *Spina Christi* - "Христов шип". Шипы протыкали и вены и артерии, и потом, когда Иисус будет висеть на кресте, каждый раз, когда Распятый будет примыкать затылком к дереву, острия все глубже и глубже будут вонзаться в голову, и, скользя по черепной кости, раздирать ткани головы.

"Когда же насмеялись над Ним, сняли с Него багряницу, одели Его в собственные одежды и повели Его, чтобы распять Его" (Мк.15,20). Об этой дороге и несении креста на Голгофу Плащаница также может многое рассказать. Над правой лопаткой есть большая контузия, площадью примерно 10 x 9 см. Сквозь эту контузию просвечивают следы бичевания, но гораздо яснее видны следы тяжелого твердого и негибкого предмета, движения которого давили и раздирали прежние раны.

Левое плечо не имеет таких следов, однако в районе левой лопатки есть круглый отпечаток, повторяющий некоторые характерные ранения правого плеча, в диаметре 14 см. Впечатление такое, что хотя вес балки был на правой части плеча и спины, но время от времени балка ударялась о левую сторону. Это могло случиться при падении несущего. Специалисты в этой связи обращают внимание на сильные контужные ранения правого колена.

Ранения лица, вызванные ударами о землю, позволяют установить число таких падений - три (руки человека были привязали ко кресту, который он нес на спине, и потому он не мог смягчать падения, падая на руки, но ударялся о каменистую землю Палестины прямо лицом).

От самых первых времен христианства сохранилась память о том что Христос неоднократно падал на своем пути на Голгофу и что при последнем окончательном падении, когда Спаситель подняться был уже не в состоянии, воины привлекли Симона Кириянина, который и понес дальше крест Христа (Мк.15.21; Мф27.32; Лк.23.26).

Чем же были вызваны эти падения и такая слабость? Помимо последних бессонных ночей и побоев, здесь сказалось еще одно обстоятельство. Хирург П.Барбе (P. Barbet. The Passion of Our Lord Jesus Christ. Dublin-London, 1954, p.87), один из самых авторитетных исследователей медико-физиологической стороны проблемы Плащаницы, объясняет в этой связи, что евангелист Лука, который был врачом, "дал нам клиническое описание, которое поразительно по своей сжатости: "и находясь в борении, прилежно молился, и был пот Его как капли крови, падающие на землю" (22.44). Это явление, случившееся в Гефсиманском саду накануне бичевания, знакомо медикам под названием *haematidrosis*. Оно случается крайне редко (зафиксировано не более двух десятков случаев) и заключается в следующем: При сильном психологическом надрыве происходит сильнейшее расширение и прорыв кровяных капиллярных протоков там, где они соединяются миллионами протоков потовых желез. Это явление вызывает странное падение жизненного сопротивления, по причине большой площади тела, на которой оно разыгрывается, и делает кожу чрезвычайно болезненной и чувствительной". Последнее позволяет понять, сколь особо мучительными были для Христа последующие побои, а также - почему его кожа столь чувствительно запечатлела мельчайшие подробности истязаний.

Может быть, явление *haematidrosis* дает ключ к решению еще одной из загадок плащаницы: почему кровь, стекавшая из ран, нанесенных терновым венцом, не запекалась в волосах, а стекала по лбу. Ведь если смешение крови и пота продолжалось (через уже разрушенные капилляры), то пот, стекая вместе с кровью, разжижал её и не давал ей загустеть в волосах.

А потом было распятие. Казнь, названная Цицероном "мучительнейшей из казней". Одно напоминание о кресте приводило людей в панический ужас и способно было вызвать холодный пот.

Но на Голгофском кресте происходило, очевидно, нечто такое, что крест из символа ужаса и смерти стал знаком надежды и жизни, уверенности в том, что смерти нет, что она преодолена Воскресением...

Но это будет потом. А пока воины простирают человека, лежащего на кресте, который еще положен на землю и прибавляют его конечности к дереву. Гвозди вбиваются в руки там, где 7 костей запястья образуют вокруг центрального прохода, так называемого "прохода Destot" пространство, через которое проходит вся нервная система, идущая отсюда до кончиков пальцев. Эти кости связаны между собою одним из самых сильных мускулов нашего тела (он, собственно, и держал весь вес). Опыты Барбе с ампутированными конечностями показали, что гвоздь без труда, с одного удара молотом, проходит сквозь - "проход Destot", не задевая ни одной из окружающих его костей, а рука в таком состоянии может вынести вес тела человека, не будучи разорванной гвоздем. Эти же опыты показали, что при протыкании гвоздем, когда нервная система руки перебивается, большой палец кисти судорожно прижимается к ладони, и, парализованный, остается в таком положении. Обе руки на Плащанице отпечатались без больших пальцев, которые были подогнуты под ладони.

Центральный нерв руки затронут прикосновением гвоздя. Неопишуемая боль, как молния, стреляет сквозь Его пальцы и как огненный поток проходит через всю руку в мозг и плечо. Самая невыносимая пытка, которой может быть подвержен человек, есть ранение больших нервных узлов. Висящее на древе тело натягивает почти всем своим весом эти нервные узлы руки, и ужасающая агония возобновляется... Это продолжается три часа...

Будем это помнить, когда, читая Символ веры, говорим: "И Распятого же за ны, пострадавша".

У человека, пригвожденного сквозь навверх распростертые руки, вся тяжесть тела держится за счет напряжения мышц груди. Их длительное перенапряжение ведет к асфиксии, они деревенеют, теряют способность расширяться, судорога сводит грудь. Железный обруч стягивает диафрагму и легкие, человек не может дышать и начинает задыхаться. Чтобы выгнать отравленный воздух из легких, жертва пробует ослабить давление на грудную клетку. Для этого надо, приподнявшись, перенести опору на ноги. Медленно, не выразимым усилием Христос берет, как точку опоры, гвозди, пронзающие его ноги, и тем давит на свои раны. Шиколотки, колени постепенно выпрямляются, и тело постепенно приподымается. Но при этом руки должны вращаться вокруг четырехугольного гвоздя, пробившего их центральный нерв, вызывая новую муку.

Только этой пыткой тяга несколько ослабевает. Явление асфиксии уменьшается, мускульное остоленение немного преодолевается, мышцы груди слегка отдыхают. Человек стоит на гвоздях, которыми он пробит...

Для чего Христос предпринимает это страшное усилие? На что он расходует с такой мукой набранный воздух? - Чтобы сказать: "Отче, прости им, ибо не ведают, что творят!".

Потоки крови на руках, отпечатавшиеся на Плащанице, раздвоены. Значит действительно несколько раз тело Распятого меняло свое положение, и руки больше обычного, необходимого для дыхания перемещения, вращались вокруг гвоздей. Большее поднятие, очевидно, требовалось, чтобы набрать побольше воздуха и выдохнуть его, истратив в нескольких последних и страшных словах, обращенных к нам, к своей Матери и к Отцу.

Приходит конец. Тело теряет последнюю влагу. Во время Второй мировой войны фашисты в лагерях распинали людей. Очевидцы, в числе которых были медики, свидетельствуют, что страшные муки и перенапряжение тела распятого человека вызывали обильное потовыделение. Буквально лужи пота стояли под крестами. Обезвоженный организм все ближе приближается к концу.

"Жажду" - стонет Христос. Воин, стоящий у распятия, здесь не проявляет милосердия, но, напоив губку уксусом, подносит её на копьё к запекшимся и растрескавшимся губам Спасителя. Голова Сына Человеческого падает на грудь. При распростертых руках её нельзя без жесточайших страданий повернуть в сторону. Христос, однако, отбрасывает её назад, и шипы ломаются о Его череп.

Но сознания Он не теряет. Последний вопль Его раздаётся - возглас победы добра, заставивший римского офицера, охранявшего место казни, уверовать, что перед ним Сын Божий: "Совершилось!"

Христос умер. Но голгофское действо еще не завершилось. Чтобы ускорить течение казни и быстрее освободиться, накануне праздника легионеры перебивают голени у еще живых жертв- двух разбойников, распятых рядом с Христом. При перебитых ногах, не имея больше точки опоры и свисая на одних руках, они мучительно и окончательно задыхаются при раздутых до предела и отравленных легких. Христос к тому времени уже час как был мертв. Это ясно видели стражники (потому что пока распятый человек жив, он для поддержания дыхания постоянно находится в движении - мучительно скользит по кресту в тщетных попытках ослабить муки).

Голени Иисусу поэтому не перебили. "Но придя к Иисусу, как увидели Его мертвым, не перебили у него голени. Сие произошло, да сбудется Писание: "и кость Его не сокрушится"(Исход, 12,46)" (Иоан.19,33,36). Итак, исполнилось еще одно ветхозаветное пророчество о Христе.

У человека с Плащаницы голени действительно не перебиты. Зато на Плащанице есть явные следы от удара копьем в грудь уже мертвого человека. Видна и сама рана (причем по её характеру эксперты заключают, что удар копьем был нанесен снизу вверх - когда тело еще висело на кресте, а стражник стоял внизу). И в ткани Плащаницы в этом месте особенно много крови и лимфы, вылившейся из околосоердечной сумки, пронзенной копьем. Кроме того, излияние лимфы вместе с кровью - это явный признак смерти человека: в результате инфаркта кровь из сердечной мышцы через разрыв начинает поступать в околосоердечную сумку и смешивается с лимфой.

Послушаем теперь свидетельство евангелиста, памятуя, что по внешнему виду лимфа похожа на воду: "Один из воинов копьем пронзил Его ребра, и тотчас истекла кровь и вода" (Иоан. 19,34).

Но если Христос был очевидно мертв к этому моменту, то почему из мертвого тела течет кровь? Новые ранения, наносимые трупу, не вызывают кровотечения, ибо сердце стоит и кровяного давления уже нет. Однако, если удар нанесен снизу вверх, то по раневому каналу кровь может вытекать под действием гравитации. Тем более - кровь, разжиженная лимфой.

Удар нанесен воином-профессионалом: хотя все тело беззащитно, он бьет в правый бок с намерением достигнуть сердца. Так учат солдат: ведь левый бок противника, через который ближе достичь сердца, как правило, прикрыт щитом.

Чем был вызван этот совершенно бессмысленный удар по уже мертвому телу? По нашему предположению, удар нанес один из тех воинов, которые принимали участие в той позорной игре в казарме. "Василевс" по правилам игры должен быть заколот. Но приказа убивать Его солдаты тогда не получили и вынуждены были оставить жертву в живых. Поскольку затем Христос был не заколот, а распят, то, возможно, солдатом руководила психологическая потребность соблюсти все правила игры и довести её до конца - пронзив копьем Иисуса. И как знать, может быть это была в то же время и последняя честь, оказанная Христу: ведь распятием казнили не римских граждан, а "язычников". Для римских же граждан, тем более высокого положения, существовали иные, более "благородные" способы казни. Христос как "Василевс", избранник армии, император - каким он был для солдат в ночь накануне казни - оказался в силу своей вовлеченности в мир солдатской игры не только бедным иудеем, каким он был для толпы, но и "царем", каким он был в плане игры для солдат. Преступником и святотатцем он был для иудеев, но римляне видели в Нем царя (кто в шутку, кто в порядке издевательства, а кто и всерьез). Ведь именно римский наместник Пилат приказал засвидетельствовать на кресте Его царское достоинство. И потому вполне вероятно, что римский солдат, пронзая мертвого Иисуса копьем, добивал - как он сам считал в этот момент - не назаретского плотника, а Василевса. Конечно, делал он это в рамках "карнавального" перевертыша лифостратона, не понимал, что перед ним действительно Царь - причем не иудейский, а всей вселенной. Таких правдивых ошибок было немало в жизни Иисуса... За несколько дней до казни Иерусалимская толпа восторженно встречала

Его, приняв за царя-избавителя. Они ошиблись — он не хотел брать власть в Иерусалиме в свои руки и возглавлять борьбу за освобождение Палестины от владычества римлян. Но они не ошиблись - хотя сами не знали этого, ибо Христос действительно пришел избавить людей от рабства - рабства смерти и греху. Спустя несколько дней народ Иерусалима убедится в своей ошибке и отдаст не оправдавшего их надежды Христа на суд.

И на суде также повторится "правдивая ошибка". Синедрион ошибся, осудив Христа на основании лжесвидетельств. Их приговор человеку Иисусу ложен. Но их приговор Богу в каком-то глубочайшем смысле вечно-истинен; ибо верно и правдиво отражает весь невместимо-невероятный трагизм отношений человека и Бога. Эта правда состоит в том, что человек всегда распинает Божественную любовь к нему, или, как это выразил Фенелон - "Боже, Ты открываешь себя повсюду, и всюду люди унижают Тебя". Иисус не заслужил этого приговора, но приговор истинен, ибо люди заслужили его - и позор этого приговора, выявившего нашу сродненность со злом, всегда должен стоять отрезвляющим знаком перед человеческой памятью.

*"И бездна нам обнажена
С её и страхами и мглами
И нет преград меж ней и нами.
Вот отчего нам ночь страшна".*

...Впрочем, в рассматриваемом нами контексте какими бы ни были мотивы солдата, но то, что он сделал, все равно является уникальным событием и подтверждает идентичность Человека с Плащаницы с евангельским Христом.

Христос умер в третьем часу пополудни. Оставалось лишь три часа до первой субботней звезды (6 часов вечера) когда, по закону, все надо было бросать и ничего нельзя было делать. Нарочито было запрещено всякое прикосновение к мертвым. Второзаконием (21,23) для таких случаев вдобавок предписывалось погребение в тот же день: "Если в ком найдется преступление, достойное смерти, и он будет умерщвлен, и ты повесишь его на дереве, то тело его не должно ночевать на дереве, но погребти его в тот же день". Вдобавок это был вечер перед праздником ветхозаветной Пасхи. Времени на погребение, таким образом, оставалось очень мало.

Иосифу Аримафейскому требовалось время, чтобы получить у Пилата разрешение на снятие тела с креста и погребение. Пилату требовалось время, чтобы удостовериться в смерти казненных от вернувшихся с Голгофы солдат (Мк. 15,44). Затем нужно было найти помощников с веревками, лестницей, инструментом. Надо было дать знать Никодиму, который должен был принести благовония и пропитать ими плащаницу.

Все эти заботы о Распятом, подтверждаемые самой плащаницей, тем более уникальны, что по сути - противозаконны: Иосиф и Никодим из любви к Иисусу, тайными учениками которого они были, идут если не на прямое нарушение закона, то на явный вызов общественному мнению. Для того, чтобы это было понятно, продолжим цитату из Второзакония: "проклят пред Богом всякий, повешенный на дереве" (21, 23). Никодим - член Синедриона, представитель высшей церковной власти Израиля - и вдруг заботится о человеке, подлежащем проклятию, по сути оскверняет самого себя, бросает вызов законничеству и радикально перекраивает тем самым свою судьбу. Во всяком случае в последующее время в Синедрионе Никодима мы больше не находим. Что же касается возможного недоразумения о проклятии Иисуса Богом (через ветхозаветное предписание о повешенных на древе), то оно разрешается через уяснение самой сути подвига Христа. Во Христе Бог стал человеком, смирил себя до положения человека казненного, человека поносимого, отверженного и проклятого - чтобы из самых глубины вывести человечество к жизни и свету.

"Когда же настал вечер" (Мф.27,57), приступили только к снятию с креста. Значит, близится к пяти часам.

Тело омыть не успели - лишь завернуть в Плащаницу и завалить камнем. Вторая часть погребения иудейского, назначенного на первый день недели, осталась невыполненной...

Таковы события, происшедшие в Иерусалиме в ту страшную пятницу.

Итак, "плащаница является доказательством совершенной во времена Римской империи казни человека распятием, характерные детали которой совпадают с деталями описанного в Евангелии от Иоанна распятия и погребения Христа. Что же касается того, можно ли считать отпечатавшегося человека евангельским Иисусом Христом, то это уже вопрос не науки, а веры, вопрос, выходящий за рамки загадки плащаницы, решаемой средствами науки" (Наука и религия, 1984, №9, стр.23).

Это очень корректный вывод атеистического журнала. Если его внимательно прочитать, в нем говорится по существу следующее: это, скорее всего, отпечаток тела Иисуса из Назарета. Но был ли он Христом, то есть Помазанником и Сыном Божиим - этого наука сказать не может, так как это вопрос веры.

Да, это вопрос веры и доверия. Ведь если признавать, что 18 и 19 главы Евангелия от Иоанна, в которых говорится о последнем дне жизни Иисуса, верны и исторически точны, то почему бы не принять его рассказ о том, что он сообщает нам в 20 главе о происшедшем через день Воскресении?

Конечно, здесь правомерно спросить - а можно ли доверять евангелистам? Они являются учениками и друзьями человека, моральные качества которого даже по признанию его врагов были выдающимися. Так, по свидетельству Иосифа Флавия Иисус "был мудрым человек, его образ жизни был похвальными, он славился добродетелью" (цит. по: Свенцицкая, стр. 72). Этот Учитель Сам избрал себе учеников: "Не вы Меня избрали, а Я вас избрал"(Ин.15,16). Чтобы понять, кто такие апостолы - надо почитать их книги - вдохновенные гимны любви и свободе. За свою проповедь они заплатили жизнями: из двенадцати апостолов одиннадцать были казнены. Вера в Воскресение давалась им мучительно и непросто. Один из апостолов — Фома - навсегда остался образом неверующего правдолюбца. Фома сказал, что не поверит в воскресение Христа, пока не сможет пальцем дотронуться до ран от гвоздей. Много лет спустя Фома умер за Христа как мученик. Что могло дать ему такую веру, как не исполнение его условия?

Вера в воскресение превратила деморализованных последователей распятого проповедника в неустрашимых свидетелей и мучеников ранней церкви. Их можно было бросать в тюрьмы, подвергать истязаниям, но их нельзя было заставить отречься от веры в то, что "на третий день Он восстал". Они вдруг стали - чуть ли не за одну ночь - неустрашимыми. У них были все мыслимые доводы, чтобы тщательно пересмотреть основы своей веры. Но те, кто отрекался от Христа и оставил Его одного в день ареста и казни - через день после смерти Иисуса стали проповедовать о Нем. И проповедь свою они вели не как люди Ветхого завета, не как иудеи, а как люди Нового завета с Богом. То, что они никак не могли вместить, пока Иисус был с ними, они поняли после Его смерти (логичнее сказать - после Его Воскресения). За три дня, пока их учитель лежал в гробу, они поняли то, что не могли понять за три года Его проповеди: что высший закон бытия - это закон любви до Креста. Глубину своего понимания этого закона апостолы засвидетельствовали своей жизнью и своей смертью.

И вот эти люди говорят, что они рассказывают только о том, "что слышали, что видели своими глазами, что рассматривали и осязали руки наши"(I Иоан.1,1), что если даже они сами начнут говорить нечто иное, выдумывать нечто отличное от того, чему они были свидетелями, да будет им анафема (Гал.1,8).

Их искренности можно довериться. То, о чем они говорят, - о новой жизни во Христе - можно и проверить: для этого надо войти во внутреннюю и сокровенную жизнь Церкви, принять участие в её таинствах и взрастить в себе глаза любви веры, воспитать духовный слух. Наконец, для начала можно просто по-настоящему серьезно отнестись к рассказам апостолов, попытаться увидеть в них не сказочников и выдумщиков, а свидетелей. Последнему и может научать Плащаница.

Наука, столь гордо выступавшая в XIX веке против религии, в 1898 году (когда началось научное исследование Плащаницы) установила достоверность Евангельского повествования. Отложив в час Воскресения Плащаницу, Христос затаил в ней до времени божественную тайну, ибо знал, что грядущим людям будет дано искушение наукой и приготовил для них источник отрезвления. Плащаница исследовалась авторитетнейшими научными организациями с громкими именами и твердой репутацией: НАСА, лаборатория космических и электронных исследований в Чикаго, Вирджинский политехнический институт и т.п.

А в результате атеистический автор вынужден сетовать на "чрезмерное обилие деталей и совпадений... Не успев обнаружить новую деталь, эксперты тут же находили ее в тексте Нового Завета" (Наука и религия. 1985, № 9, стр.35).

Теперь становится понятно, какой же вопрос ставит перед человеком ответ на вопрос - кто на плащанице. Если это действительно Христос, Помазанник Божий, то с кем ты, человек - с Ним или с распинавшими, оплевавшими, отвернувшимися от Него?!

Плащаница заставляет людей внимательнее присмотреться к Церкви: что же она такое, что уже два тысячелетия живет на земле и столь упорно учит об одном и том же, одном-единственном и абсурдном факте: о том, что 14 нисана 30-го года за Северной стеной Иерусалима на Кресте был распят Творец и Совесть Вселенной, принявший на себя человеческую природу, и что Он воистину воскрес.

Присмотритесь к Церкви хотя бы глазами рассудительного Гамалиила, сказавшего людям, которые обвиняли апостолов, проповедовавших о Воскресшем Христе: *"Мужи Израильские! подумайте сами с собою о людях сих, что вам с ними делать. Ибо незадолго перед сим явился Февда, выдавая себя за кого-то великого, к нему пристало четыреста человек; но он был убит, и все, которые окружали его, рассеялись и исчезли. После него во время переписи явился Иуда Галилеянин и увлек за собой довольно народа; но он погиб, и все, которые слушались его, рассыпалась. И ныне, говорю вам, отстаньте от людей сих и оставьте их; ибо если это предприятие и это дело - от человеков, то оно разрушится; а если от Бога, то вы не можете разрушить его; берегитесь, чтобы вам не оказаться и богопротивниками"* (Деян.5,35-39).

Прошло ДВЕ ТЫСЯЧИ лет - и оно не разрушалось. И сегодня, как во все эти века, как бы далеко ни уходило человечество от идеалов Христа, но чуткие и чистые сердцем прозревают самое важное и снова и снова вспоминают, что

*Одна есть в мире Красота -
Любви, печали, отреченья
И добровольного мученья
За нас распятого Христа"*

К. Бальмонт

Об этой же Красоте говорит и другой наш поэт - Марина Цветаева:

*Так, высоко запрокинув лоб:
Русь молодая! Слушай!
Опровергаю лихой поклёп
На Красоту и Душу!*

И вновь, как будто для сегодняшнего дня написанные, звучат древние слова апостола:

Мы неизвестны - но нас узнают. Нас считают обманщиками, но мы верны, нас почитают умершими - но вот мы живы. Нас огорчают, а мы всегда радуемся. Уста наши открыты вам, люди, сердце наше расширено. Вместите нас (2 Кор. 6, 8-12).